

Поэзия Некрасова в трудах В. И. Ленина

Некрасовские эпиграфы у В. И. Ленина

Ленин любил Некрасова и хорошо знал его поэзию («почти всего знал наизусть»¹). Это многократно подтверждено мемуаристами. В своей литературной, политической работе он часто использовал стихи Некрасова. Некрасовские тексты в сочинениях Ленина выявлены и широко комментированы². Тем не менее работа по уяснению роли, которую играет поэзия Некрасова в трудах Ленина, вряд ли может считаться законченной. Более того, к изучению собственно литературного, решусь даже сказать, эстетического значения (естественно, в его обусловленности целями научной работы и задачами политической борьбы), которое приобретает текст поэта Некрасова в сочинениях ученого, политика Ленина, литературоведы почти не приступали. «Если у нас, — справедливо отмечал исследователь, — имеются литературоведческие работы, посвященные литературным цитатам в произведениях Ленина, тем литературным типам и характерам (особенно щедринским), которые живут в них новой жизнью, то в тени остаются более сложные связи»³.

Такие «более сложные связи» проступают, в частности, при уяснении места, которое занимают в сочинениях Ленина стихи Некрасова, взятые в качестве эпиграфов. Уже это определяет известную исключительность, чрезвычайность роли цитируемых стихов, приобретающих особую ударную силу, становящихся про-

¹ Эссен М. М. Встречи с Лениным. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти т. М., 1969, т. 2, с. 115.

² См., например: Чуковский К. И. Ленин о Некрасове. — В кн.: Некрасов в школе. М., 1960, с. 7—36.

³ Эльсберг Я. Ленинский литературный стиль и советская культура. — Вопросы литературы, 1969, № 8, с. 24.

граммным тезисом. Тем примечательнее, что некрасовские стихи Ленин использовал в качестве эпиграфов дважды. Впервые он поставил двустишие из стихотворения Некрасова «Памяти Добролюбова» эпиграфом к статье, которая была посвящена памяти Энгельса, скончавшегося 5 августа 1895 года. Однако эпиграф у Ленина только эпиграфом не остается или, точнее, подлинным-то, именно литературным¹ эпиграфом и становится, продолжая жить сложной жизнью в составе самой статьи.

Некрасовский текст у Ленина чуть трансформирован. Проще всего, конечно, назвать это неточностью, поскольку стихи, очевидно, цитировались на память. Но если это и так, здесь ясно проявилось ленинское тонкое ощущение стиля. Вообще, коль скоро стихи оказываются вынутыми из контекста стихотворного произведения и попадают в контекст публицистической статьи, они уже живут иначе. Очевидно, это и определило особый характер цитирования. Вот некрасовские стихи:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! (II, 200)

А вот как они выглядят у Ленина:

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!²

Как видим, изменения как будто бы минимальны: «погас» вместо «угас» и отсутствие восклицательного знака в первом стихе. Однако с учетом общих контекстов они представляются существенными. Вот в каком контексте находится двустишие у Некрасова:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;

¹ См., например, о характере эпиграфов у Пушкина: Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955, с. 69—83.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 5.

Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час,
И вешнее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись... (II, 200)

Стихотворение Некрасова патетично. Ораторские торжественные интонации оказываются в этом реквиеме и непосредственными интимными обращениями. Нарастающая напряженность таких обращений: «Ты... Ты... Ты... Ты...» — подводит к кульминационному взрыву:

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало! —

сила которого оттенена последующим спадом:

Года минули, страсти улеглись... и т. д.

Эмоциональная атмосфера и всего стихотворения, и данного двустишия подчеркнута мотивом безвременности кончины юноши, борца, но и поэта; в первоначальном варианте (Современник, 1864, № 11—12, с. 276) мотив гибели именно поэта был усилен поэтическим эпиграфом из самого Добролюбова:

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезею.

А вот в каком контексте находятся стихи у Ленина:

«Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало!

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга

Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения»¹.

Статья Ленина — статья-некролог — не случайно начинается стихами. Стихи здесь — как поэтический венок. Но этот некролог — статья, с четким научным и пропагандистским заданием: ясно усвоить «значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения». «Маркс и Энгельс, — продолжает Ленин, — первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка...»². И, подчиняя стихи общему контексту трезвой научно-публицистической статьи, Ленин чуть-чуть сдерживает их патетику. Отсюда — не высокое и более «поэтическое» — «угас», а — «погас». Отсюда — лишь одно восклицание, в конце. Кроме того, очевидно, сказалось и следующее обстоятельство. Уже стихотворение Некрасова, создавшее обобщенный образ подвижника, заключало возможность переадресовок. «Надо заметить, — писал поэт, — что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов!»³ Но если у Некрасова символ «святильник разума» рожден в кругу таких ассоциаций, как юность, чистота, непосредственность, поэзия, то у Ленина он, связываясь с обликом другого человека, приобретает иной смысл: знание, мудрость, долгий опыт.

При анализе же статьи в целом эпитафия обнаруживает еще одно качество. Дело в том, что ленинская статья-некролог, в сущности, состоит из двух частей, так что эпитафия приобретает для нее значение как бы своеобразного оглавления. Первая часть — «Какой святильник разума погас» помогает раскрыть значение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 5.

² Там же.

³ Некрасов Н. А. Стихотворения. СПб., 1879, т. 4, с. LXVII.

учения Маркса в развитии современного рабочего движения. Вторая часть — «Какое сердце биться перестало!» И, рассказывая о любви Энгельса к Марксу и об их дружбе, которая превосходит «все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе», Ленин завершает: «Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу»¹.

Однако некрасовские стихи о Добролюбове не остаются в статье Ленина только переадресовкой. В статье возникает и образ самого Добролюбова, вернее, Добролюбовых — русских революционных демократов. Смысл учения Маркса, деятельности Энгельса спроецирован Лениным на русскую действительность, связан с задачами революционной борьбы в России: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделались социалистами из демократов, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно... Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик»².

Так эпитафия находит еще один отклик в самой статье, становится знаком, внутренне объединяющим два этапа освободительной борьбы и два типа ее выдающихся представителей.

Наконец, можно указать на эмоциональную переключку, в которую вступает сильное начало статьи, ее стихотворный эпитафия с завершающим восклицанием: «Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!»³.

Столь же сложные связи эпитафия и текста проявляются при анализе статьи В. И. Ленина 1918 года «Главная задача наших дней». Здесь цитируются известные слова Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 12.

² Там же, с. 13.

³ Там же, с. 14.

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Слова эти Лениным неоднократно приводились и ранее; например, в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» он пояснил ими противоречия в произведениях и взглядах Толстого, что было очень естественно, поскольку сами эти противоречия рассматривались как противоречия русского патриархального крестьянства.

Однако, пожалуй, никогда ранее эти некрасовские, да и никакие другие, стихи не выступали в том качестве, в котором выступили они в статье «Главная задача наших дней».

И здесь стихи Некрасова взяты в качестве эпиграфа. Однако дело тем не ограничивается. В сравнительно небольшой, пятистраничной статье Ленин трижды возвращается к ее эпиграфу и в разном контексте снова и снова цитирует Некрасова.

Таким образом, литературная цитата приобрела значение, какого ни одна цитата никогда в произведениях Ленина еще не приобретала. Очевидно, речь идет не просто об удачном употреблении поясняющего литературного примера, а о чем-то большем.

Дело в том, что статья Ленина в целом не только определяет сложившуюся социальную и политическую обстановку. Она ставит «главную задачу» и в этом смысле становится лозунгом и призывом. Поэтические же строки Некрасова не только выдвигают основной тезис, но и дают поэтический, я бы даже сказал, музыкальный тон, который находит прямой отклик в ленинском тексте.

Обращу внимание на то, как некрасовские стихи с их резко контрастными, антонимическими образами повлияли на структуру ленинской статьи, которая в начале как бы следует за своим тезисом-эпиграфом. Поясняя совершающиеся в современности процессы, Ленин дает своеобразный публицистический перевод некрасовского поэтического текста, в то же время продолжая его, подчиняясь ему и приближая к нему — к высокой патетике, к поэзии — публицистику: «России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из

крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашения с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран»¹.

Нетрудно видеть, что этот сжатый очерк русской революции строится как поэтическая фигура: десять единоначатиями — анафора, по своей поэтической интенсивности превосходящая, пожалуй, все, что можно встретить в этом роде в художественной литературе. В то же время сама анафора, придавая тексту статьи необычайно патетическое звучание, получает особую выразительность, так как развитие ее подчиняется восстанавливаемой в статье логике исторического процесса. Десять повторов: «Мы... Мы... Мы...» — это и десять наращений смысла, достигающих *crescendo*, мощной, могучей кульминации («Ты и могучая»), за которой сразу и резко контрастно следует: «И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир...»² («Ты и бессильная»).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 78—79.

² См.: там же, с. 79.

Как видим, некрасовские стихи не только сами по себе сообщают ленинской статье поэтическую импульсивность, но и находят опосредованное продолжение уже в собственно ленинском тексте.

В статье, как это и вообще характерно для Ленина с его необычайной, бьющей в одну точку целеустремленностью, возникают образы и примеры, уже приводившиеся им ранее и находящие продолжение в других работах этой поры. Иронический образ шляхтича упоминается в докладе о войне и мире 7 марта 1918 года на VII съезде РКП(б)¹. Образ отступающей армии будет развит в докладе о ратификации мирного договора на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов². Через ряд работ и выступлений проходит пример — сравнение с Тильзитским миром; например, в статье «Серьезный урок и серьезная ответственность»³.

И подлинный смысл обращения к Некрасову в данной статье уясняется лишь в ряду других статей и выступлений Ленина в это время.

Угроза немецкого нашествия выдвигала лозунги национального единения, национального самосознания, наполнявшиеся новым содержанием. Двуединство это и нашло точное выражение в формуле — «социалистическое отечество». 21 февраля 1918 года Совнаркомом был принят декрет «Социалистическое отечество в опасности!», написанный Лениным⁴. Говоря о возможной войне с империалистической Германией, Ленин постоянно называет эту войну отечественной, вопреки, кстати, настаивавшим на срыве мирных переговоров «левым коммунистам», которые монополизировали термин «революционная» война. И в рассматриваемой статье Ленин пишет: «...Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне...»⁵. В статье «Странное и чудовищное», которая направлена против резолюции Московского областного бюро партии, возглав-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 22.

² См.: там же, с. 106.

³ См.: там же, т. 35, с. 419.

⁴ Там же, с. 357—358.

⁵ Там же, т. 36, с. 82.

лявшего тогда «левыми коммунистами», указывая на жизненную силу такого учреждения, как Советская власть, он подчеркивает ее национальный характер: «Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти... Французы 1793 года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными... Лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военного сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений»¹.

Когда-то один историк русской литературы сказал, что некрасовскую «Русь («Ты и убогая, ты и обильная...») можно было бы назвать национальным гимном»².

Некрасовский текст в том качестве, в каком он Лениным использован и трансформирован, сообщает статье дополнительный и своеобразный национальный колорит, который на фоне псевдоревolutionной трескотни «левых» оказывался еще одним выразительным свидетельством подлинности защищавшихся Лениным интересов страны. Есть здесь и один отчетливый социальный аспект.

В. И. Ленин в это время неоднократно говорит о России как о крестьянской стране. «Мелкокрестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить ее раны, против технически и организационно высшей производительности труда — вот объективное положение в начале 1918 года», — пишет Ленин в статье «О революционной фразе»³. «Крестьянской страной» называет он ее еще раз в статье «Тяжелый, но необходимый урок», страной, которая должна уклониться от военной схватки, именно потому, что это «крестьянская страна»⁴.

В. И. Ленин, с одной стороны, апеллирует к самой массовой, крестьянской точке зрения и, с другой сто-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 404—405.

² Энгельгард Н. История русской литературы 19 века. Пг., 1915, ч. 2, с. 441.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 346.

⁴ Там же, с. 396.

роны, выступает как прямой ее выразитель: «Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира, неслышанного мира, более униженного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, — да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс»¹. Ленинская политическая позиция проникнута ощущением ответственности не перед абстрактными истинами, а перед страной, перед народом, и он призывает понять разницу между дореволюционным временем, когда «споры оставались внутри узкопартийных кругов», и временем, когда все решения выносятся на обсуждение масс: «Массы миллионные, — а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика...»².

В основе ленинской позиции — точный учет реального мнения массы. В работе «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», анализируя результаты голосования Всеукраинского съезда Советов, Ленин показывает, что «именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелкобуржуазной фразы, именно *массы* рабочих и эксплуатируемых крестьян провели мир»³. Кстати сказать, работа эта была переиздана отдельной брошюрой вместе со статьей «Главная задача наших дней», давшей брошюре название. В авторском предисловии было сказано, что «обе статьи с разных сторон подходят к одной теме, выраженной заглавием брошюры»⁴.

Массовая, национальная, народная («крестьянская») точка зрения — в этом своеобразии и сила позиции Ленина по вопросу о войне и мире в 1918 году. В статье «О чесотке» он пишет: «...любой мужик понял бы, что приходится брать не общий, а сепаратный (отдельный) и несправедливый мир. Всякий мужик, даже самый темный и безграмотный, понял бы это и *ценил* давшее ему даже такой мир правительство»⁵. Говоря о «левых» коммунистах в докладе на VII съезде РКП(б), Ленин особенно явственно и полемически заостренно заявляет крестьянскую, «мужицкую», позицию: «Их газета

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 20.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 16—17.

³ Там же, с. 286.

⁴ Там же, с. 347.

⁵ Там же, т. 35, с. 361.

носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина»¹.

В свете всего сказанного обращение к Некрасову выступает как еще одно свидетельство и выражение позиции народа. В то же время со стороны Ленина это еще одно признание, еще одна, хотя и косвенная, но чрезвычайно показательная характеристика Некрасова как народного поэта.

Однако В. И. Ленин — это вождь пролетарской революции. Отсюда определенность задач, революционная четкость лозунга: «История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу»².

И здесь некрасовский текст у В. И. Ленина получает еще одно как будто неожиданное, но закономерное освещение. В середине статьи, обращаясь к некрасовским словам, В. И. Ленин, хотя и в пересказе, но точно передает их, говоря о непрременной решимости «добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь»³. Здесь еще

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 22.

² Там же, с. 82.

³ Там же, с. 79—80.

В. И. Ленин называет Россию по-некрасовски Русью. Далее, анализируя современное положение в стране, он пользуется уже названием «Россия». И, наконец, завершается статья снова некрасовскими словами, но уже трансформированными. На месте «Руси» теперь «Российская Советская Социалистическая Республика»: «Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной»¹.

Русь — Россия — Российская Советская Социалистическая Республика — эти три названия, как три страны, как три эпохи: прошлое, настоящее, будущее. Так стихи Некрасова получают еще одно новое значение, объединившись с текстом статьи.

Вот какими многообразными причинами вызываются некрасовские эпитафии в ленинских статьях, и вот какой многоцветной жизнью начинают они жить в ленинских строках.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 82.